

Пряжко Павел Николаевич, 30.09.1975г.

e-mails: pryapa75@yandex.ru, pryapa75@narod.ru

Когда закончится война

Сцена вдоль разделена на две равные части макетом полуразвалившейся стенки с комьями проволоки (высота примерно 1м.). В основании стенки, в глубине сцены, стоит сервант, его поблёскивающие створки выходят на разные половины. В левой части сцены круглый стол. Деревянная вешалка для верхней одежды стоит у занавеса. Несколько стульев (квартира в освобождённом Минске). В правой, возле макета кожаный диван; напротив гостиничная стойка. На ней перевернутый телефон с куском висячего провода. Чуть ближе к серванту подвижный столик на роликах. На нём стоит бутылка и стаканы. На полу осколки разбитого графина. Портрет Гитлера в поломанной раме валяется возле стойки. В левой части из-за кулис появляется молодая женщина (ТАНЯ), одетая в чёрное пальто. На голове Оренбургский серый платок. Она медленно растёгивается, развязывает платок. Устало садится на стул, опирается локтем на стол трёт пальцами глаза, проводит пальцами по переносице, зажимает ладонью рот и задумчиво смотрит вверх.

Мужской голос: (САША) (откуда-то из-за кулис) Знаешь, единственное чего я боюсь это то, что тебя могу больше не увидеть. (пауза)... (ТАНЯ пусто смотрит в зал, хмурится) Ну что ты молчишь.

ТАНЯ: (тяжело вздыхает) А я молчу. (закрывает ладонью глаза)

САША: Я не трус, Таня! (ТАНЯ вертит головой) Может поцелуешь меня на прощанье? Меня ведь могут убить всё таки?!

ТАНЯ: (тихо) Гордость моя всё.

САША: Ладно, пока. (звук хлопнувшей двери)

(ТАНЯ тяжело вздыхает, опускает ладонь на стол, смотрит на пальцы. Свет над ней чуть меркнет, вспыхивая ярче над правой частью сцены. Слышен рокот выстрелов, взрыв сирены, визги мотора. На сцену чуть не падая, тяжело дыша вбегают советский солдат (САША). Без пилотки. Одной рукой держится за живот, с плеча сползает автомат, в другой держит завернутый в красную ткань шест. Падает возле дивана, кладёт под диван шест, откидывается на диван головой, хрипло дышит. Слышны выстрелы, немецкая лающая речь в мегафон.

САША: (стонет, трёт рукой живот) А-а-а. Суки... (запрокинув голову, быстро сглатывает) На зло вам блядь выживу... (стонет) Умм... Чёрт, зацепило в конце концов. (поднимает голову, осматривается, стонет. Морщась берёт бутылку и жадно пьёт. Жидкость течёт по подбородку. Выдыхает, опускает голову. Растёгивает окровавленную гимнастёрку, задирает исподнее и льёт из бутылки на рану) Умм...(глухо стонет, откидывает голову, теряет сознание, голова его свешивается. Дыхание спокойное. Руки безвольно вдоль туловища)

(На сцену сверху опускается экран размером с большой телевизор. Полумрак. На экране появляется изображение: хроника войны, разрушенные города, голодные дети, позирующие офицеры и т.д.)

ТАНЯ: (в той же позе) Здравствуй, Саша. Ты наверно не ждёшь этого письма... (пауза) А может ждёшь... Всё равно... (пауза) Я очень боюсь за тебя, как ты там? Как твои бронхи? Вчера ко мне приходила тётя Наташа. Она немножко похудела, но ей это даже идёт... (пауза) У меня всё хорошо, по прежнему работаю в госпитале, раненых с каждым месяцем всё меньше, не то что в 41 или в 42. Только я всё равно никак не могу привыкнуть к этой крови. Мне кажется я вся ей пропахла. Интересно, а где ты берёшь «Шипр» свой любимый? Или американским каким-нибудь пользуешься? Не забывай пожалуйста поддевать под гимнастёрку жилетку, которую мама связала. Тётя Наташа показывала твою фотокарточку с боевыми товарищами, ту где ты на грузовик опираешься. Малышкин это тот смешной, что справа т тебя? Тётя Наташа показала то письмо, в котором ты писал про него. Никогда бы не подумала, что такой на вид хрупкий мужчина может вынести из огня 30 человек. А ты так возмужал! Такой серьёзный, но всё равно

та же кокетка. Все улыбаются, а он с папиросой! Пилотка на бок! Эх, Сашка, Сашка, в каждом своём неотправленном к тебе письме... (пауза) Я знаю и всегда знала, что ты не трус. (пауза) Не в этом было дело совсем... Борис Абрамович не выжил, на 800-й день блокады. Помнишь мы у него в Ленинграде в 40-м останавливались? Помнишь не успели, мосты уже развели и ночь была такая белая, белая. Как молоко. Ты сказал, что у меня губы черничные и тёплые... (пауза) Тётя Наташа и дядя Ваня нашли Павлика с Надей, они в Томске в детдоме все эти годы были. Да тебе наверно тетя Наташа об этом писала... (пауза) Про Минск наверно тоже писала? Нашего дома нету. И клёна нету. Нету дома Серёжки и там, где жила Вероника Анатольевна – огромная воронка от бомбы. Помнишь как она тебя из класса выгнала, когда Серёжка доску мылом намазал? А ты сказал, что это ты? Её расстреляли под стенами училища зимой, в 41. Ну тетя Наташа тебе тоже об этом писала. Писала? Как мы приехали год назад, как я в госпиталь пошла работать... (пауза) Сашка, я люблю тебя, не вздумай там погибнуть, понял? Если что, так я думаю товарищ Жуков тебе этого сделать не даст. Со мной одна сестричка в эшелоне работала, ты её не знаешь. Так вот она так в него влюблена была!. Говорит он такой солидный мужчина. Она с ним виделась, говорит давление ему меряла. Врёт наверно... А я ведь была тогда на вокзале, когда вас на фронт отправляли. Серёжка меня видел. Да он тебе проговорился, точно! Совсем в нём ничего не держится! Пока от него никаких известий, уже с января как Варшаву взяли. Знаешь, я думаю, я даже точно уверена, что когда закончится война, мы обязательно объездим весь мир. Мы с тобой побываем везде. Ты мне покажешь те места, в которых уже побывал. Только они уже будут другими: светлыми, спокойными. Они будут отстроены и ни следа, ни одного пятна войны! Ведь она правда скоро кончится?! 30-го вы окружили Берлин, а пишу тебе второго, через 7 дней у тебя день рождения. Я испеку твой любимый пирог с яблоками и мы с мамой пойдём к тётё Наташе. Как раз у меня девятого выходной...

(Экран гаснет. Над сценой вспыхивает свет. ТАНЯ и САША на тех же местах) (пауза)

ТАНЯ: (вздыхает) Надо как-то раздеться. (трогает рукав пальто) Совсем затерлось уже. (встаёт. Снимает платок. Идёт к вешалке. Снимет пальто, вешает платок. Остаётся в юбке, кофте на пуговицах. Подходит к серванту, смотрит на себя в отражение, поправляет причёску) Совсем уже как чучело стала. (достаёт чашку, ставит на стол) А ты Саша с каким вареньем любишь, даже не успела узнать. (уходит)

(Слышны выстрелы, немецкая речь очень близко. САША открывает глаза, прислушивается, тянется к автомату) Сейчас, сейчас. (наставляет его за кулисы) Ну давай же (выстрелы, речь удаляется) А-а-а. Засцали. Вот так вот... (пытается встать) Умм. (заползает на диван, трогает рану, смотрит на окровавленную ладонь) Блядь, как из свиньи течёт... Умм. (лежит на диване, одна нога на полу)

ТАНЯ: (несёт чайник, коробку с рафинированным сахаром. Ставит на стол) Когда, Сань, война закончится, я столько всяких варений наставлю! (наливает в чашку) Буду тебя откармливать. (садится, дует на чай, достаёт из коробки квадратик сахара. Смотрит на него и с горечью) Какая роскошь, а?!... (пауза) У нашего ребёнка, Саша, я тебе обещаю всегда... (кладёт сахар обратно, начинаясь обжигаясь пить)

(глухой вой сирены, дальние взрывы)

САША: (лёжа) О! Ястребки наши полетели, сейчас вам дадут просрать! (канонада, рокот выстрелов. Бьёт себя по лицу) Не спать! (бьёт) Не спать! Ещё не то под Курском было! (приподнимается на локтях, осматривается. Слышны шаги, отчётливая немецкая речь. САША хватает автомат) Ну давай, Йоган, заходи, я без тебя не уйду... (тяжело встаёт, выставив автомат шатаясь идёт к занавесу. В этот момент с отчаянным криком из глубины сцены бежит женщина с бутылкой в руках. САША медленно поворачивается, хватая замахнувшуюся женщину за руку. Они некоторое время смотрят друг на друга: заплаканная испуганная женщина и раненый солдат. САША отпускает её руку и падает на пол. Шаги удаляются. Женщина роняет бутылку, прижимает ладони к лицу и шатаясь плачет навзрыд. ТАНЯ допив встаёт из-за стола и уходит)

(Женщина (АННИ) 25 лет, в тёмном платье, светлые волосы коротко стрижены, худая, бледная словно после тяжёлой болезни. Убирает ладони от заплаканного лица, смотрит на САШУ, всхлипывает. Наклоняется, прислушивается к дыханию. Бежит в неосвещённую глубину сцены. Выбегает со светлым пальто и сумочкой. Быстро осматривается, берёт автомат (видно

как ей тяжело), убегает за кулисы. Раздаётся короткая автоматная очередь, ещё одна. АННИ вбегает на сцену. Испуганно оглядывается. Она всхлипывает, еле сдерживая рыдания, смотрит то за кулисы, то на САШУ, то вглубь сцены. Прислушивается. Наставляет автомат на САШУ, отворачивается от него лицом в зал, морщится отчаянно пытаюсь выстрелить. Громкий взрыв. АННИ испуганно дёргается, роняет автомат на САШУ. САША стонет)

АННИ: (садится на диван и зажав ладонями уши опускает голову) Не могу больше, всё... Не могу больше это выносить очнись и убей меня. Всё равно когда умирать. Сейчас, потом. Немцам больше жизни не будет. (поднимает голову) Слышишь, русский?! (она в отчаянии. Становится перед САШЕЙ на колени, хлопает его по щекам) Ну давай же Иван или Володя, как там тебя! (САША медленно приходит в себя, открывает глаза) Давай, давай (сунет ему в руки автомат, приставляет дуло к своей груди) ну давай же давай. (САША в недоумении) Не понимаешь? (держится руками за ствол) Давай же, бух! Я враг! (кричит) Жми на курок! (отбрасывает автомат, сидит и плачет)

САША: (приподнимается на локтях) Морщится. От чёрт. (смотрит на АННИ) Эй фрау? (дёргает за платье, АННИ одёргивается) Гитлер капут, ферштейн? (смотрит на неё) Нечего так убиваться. Вон он, (указывает на портрет) иди, поцелуйтесь! (АННИ плачет) Ну порыдай, порыдай, вам это полезно. (опираясь на автомат поднимается. Смотрит на АННИ, идёт к дивану) Фрау, я вам клянусь, он ваших слёз не стоит. (морщась садится. Смотрит на неё) (пауза) Эй?... Эй? (АННИ поднимает на САШУ заплаканное лицо) Любишь Гитлера своего? (АННИ молча на него смотрит) Да-а... (задорно) Капут ему, ясно? Всё, крышка, конец войне. (АННИ опускает голову и плачет с новой силой)

САША: (смотрит на неё) Всё хватит, кончай реветь! (тянется к ней) Кончай, я сказал!.. Ум-м. (хватается за живот)

АННИ: (поднимает голову. С вызовом, зло) Что ты от меня хочешь вообще?! Умер Гитлер и чёрт с ним! Давай, (указывает на автомат) я не смогла, так хоть ты, стреляй скорей и покончим с этим!

САША: Не кричи! (хлопает себя по губам) не кричи, сейчас сюда все немцы сбегутся! Рано ещё!

АННИ: (зло) Дурак! Дурак! Во... (крутит пальцем у виска) Свинья!

САША: А, швайн! (снимает гимнастёрку) Это я нихт ферштейн. (идёт к ней чуть пошатываясь, но решительно) Видно по человечески ты не хочешь. (становится над ней, вытягивает из штанов ремень)

АННИ: (в злом восторге) Ну конечно, правильно. Как завоеватель. Ну, давай. (задирает до бёдер платье. САША недоумевающе на неё смотрит) Я постараюсь, ну! Смелее... (разводит ноги)

САША: Дура. (грубо сводит ей ноги, наклоняется и завязывает ремнём)

АННИ: Сволочь! Скотина! (пытается подняться)

САША: ДА, да.

АННИ: Дрянь. (лупит его) У дрянь! Получи, получи!

САША: (злорадно) А-а-а, темпераментная фрау. (туго связав, хватает её за подбородок) Заткнись!

АННИ: (ему в лицо) Ненавижу всех вас ненавижу!

САША: Хорошо, хорошо. (переворачивает её на живот. АННИ сопротивляется) Гут! Очень зер гут.

АННИ: Скотина, тварь! Помогите, а-а-а!

САША: (сидит у неё на ягодицах) Сейчас, сейчас я тебя успокою, подожди!

АННИ: А-а-а! Помогите кто-нибудь, а-а-а!!!

САША: (оторвав от рубахи полоску пихает её в рот) Вот... (АННИ вырывается, вертит головой) Да не дёргайся ты! От зараза! (склоняется и в ухо) А ну не кусайся! (вставляет кляп) Ну вот. Видишь как хорошо. Чтоб я с бабой не справился. (АННИ мычит) Согласна со мной? (берёт гимнастёрку и завязывает вокруг неё рукавами на спине. Морщится борясь с болью) Будет как в лучших версальских домах! (слазит с АННИ. Сидит рядом, сипло и тяжело дышит)

(АННИ крутится, мычит)

САША: (похлопывая её по спине) Ничего, Ничего. Отдыхайте пока фрау. Так оно спокойнее будет.

(АННИ сердито мычит, поворачивает голову, зло на него смотрит)

САША: Вот была бы ты более покладистая и всё бы у нас с тобой нормально было. (поднимается, придерживает рукой сваливающиеся штаны. АННИ мычит. САША осматривается, слышны дальние выстрелы) О! (берёт портрет, кладёт рядом с АННИ) Я вас покину ненадолго, а он вместо меня. (обращается к портрету) Полежи пока здесь, поганец.. Какие у тебя ушишки, а?! (к АННИ) Тебе нравится? (АННИ с удвоенной силой остервенело пытается освободиться) Бесплезно фрау. (идёт к серванту, роется в нём) Фрау, есть хочешь?.. Ничего нет... О, смотри, что я нашёл. (АННИ смотрит на него, САША надевает шляпу) Ну, как? (АННИ резко отворачивается и лежит неподвижно) Не нравлюсь, значит. (сунет шляпу обратно. Достает пиджак, рубашку, брюки и держась за живот подходит с вещами к дивану) Зря только рубаху свою порвал. (вытягивает из брюк ремень, втягивает в свои и серьёзно) Я вам так скажу, войне конец. Отговорила роща золотая. Мы теперь этого вашего гада (кивает на портрет) по всей земле гнать будем. Более того, когда закончится война (рвёт рубашку, которую нашёл) немного времени пройдёт, мы с вами застанем точно, все страны мира присоединятся к нам, потому что в каждой стране есть рабочие и крестьяне, (весомо) пролетариат, которым тяжело жить при эксплуатации. (перевязывает себе рану) Ум-м. (поднимает голову) Навылет. (смотрит как перевязался) И на всей земле победит комму – ясно? (АННИ не реагирует) Ну и хорошо. (близко прогремел взрыв) О! (подходит к АННИ, поднимает с пола автомат и бутылку) Этим ты меня ткнуть хотела, а я взял да и сам свалился. Чего же ты не убила меня? (смотрит на отвернувшуюся АННИ) Не знаю, что с тобой делать. (подходит к дивану, садится, открывает бутылку, пьёт) А-а-а... Лучше б воды какой конечно или чаю. На этой войне сопьёшься окончательно. (откидывается на спинку дивана) Ничего настойка. (закрывает глаза)

(Пауза. Только слышен рокот выстрелов)

САША: (пьёт. Сидит откинувшись с закрытыми глазами) Представляешь, фрау, вчера дом один у вас там на горке, недалеко отсюда брали. Ты знаешь, за аллеей этой вашей каштановой. Постреляли немного. Стихло. Ну всё думаю, отговорила роща. Подходим с Петрухой, стёкла на всех этажах выбиты, дверь сорвана... А он (голос меняется от волнения) раскинулся на пороге, худющий... лет 16 не больше. Ну в форме, всё как полагается... Из глаза течёт, кишки наружу все и крест блестит на грудках... (пауза) Это же каким извергом надо быть! (открывает глаза) Слышишь, что говорю? Вы рожаете, а он, любимый твой, их в молотилку эту... (смотрит вверх) Вот как скажи с детьми воевать, а если это я его достал?! (пьёт, морщится. Внимательно смотрит на АННИ) Теперь тебя вот ещё убью, с как мне потом жить? (смотрит на неё, подходит)... Ум-м. (стонет, становится на колени, просовывает под неё руку. АННИ мычит, пытается уйти из под рук) Да не дёргайся ты, папиросы там у меня. (вынимает пачку Беломора. Садится на диван) Троху дало в голову. Знаешь, ничего алкоголь, не наша конечно спиртыга... (молча курит) На войне без водки никуда, а мы пехота... Да и вообще, какой бы ты трижды смелый герой советского союза не был, умирать неохота никому. (отпивает) Но если в плен попал, (понижив голос) тогда лучше самому. Товарищ Сталин такой приказ издал, ясно тебе?! Попал в плен – убей себя, но врагу не дайся. Сын его Яков и тот жизни себя лишил в плену. (курит) Хорошо, что ты не понимаешь о чём я говорю. Я однажды этих видел из заград отрядов. (давит отрыжку) Обречённые люди. Правда в сорок первом тогда политрук этот Клочков всё правильно сказал: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва» (курит) Товарищ Жуков молодец. Знаешь такую фамилию? (тушит об ладонь, предварительно плюнув, окурок) Что-то я разговорился. (молчит, прикрывает глаза. АННИ лежит неподвижно, смотрит в пустоту)

(пауза)

САША: (в той же позе, тихо) Трое суток не спал. (шумно, через нос выдыхает. Трёт пальцами лицо. Держится рукой за живот и аккуратно наклонившись, смотрит на АННИ) Эй, фрау, эй?!

АННИ: М-м-м. (не меняя положения)

САША: Домой: на хаус пойдёшь?! (подходит к ней, переворачивает на спину, морщась становится на колени. АННИ зло смотрит) Ты – на хаус (указывает на АННИ пальцем, потом

двумя пальцами демонстрирует идущего) пойдёшь? На хаус геен?! (АННИ не реагирует, САША внимательно на неё смотрит) От уже где нация тупая, как это вы на господство мировое позарились! (громче) Я сейчас кляп достану, а ты молчи, (показывает пальцами как вынимает кляп, приставляет указательный палец к губам) понятно? (АННИ молчит) Кляп достану, а фрау геен на хаус, гут?!

АННИ: М-м-м. (утвердительно машет головой)

САША: Ну вот и хорошо. (улыбается) Только без обмана. (вынимает кляп)

АННИ: Ноги развяжи мне.

САША: (улыбается) Я фрау не понимаю, что ты говоришь, так только некоторые слова знаю. Геен там например, да, я – да? Да значит

АННИ: (с той же интонацией) Пожалуйста развяжи мне ноги. (приподнимает голову и указывает на ноги) Быстрее пожалуйста.

САША: (наклоняется, развязывает ремень. АННИ садится. САША развязывает гимнастёрку) Ну вот. Извини, если было больно.

(АННИ поднимается, прислушивается. Поправляет платье. Раздаются частые автоматные очереди. АННИ смотрит за кулисы, потом – на САШУ)

САША: Вот этого я уже на слух определить не могу. (берёт автомат настороженно) Может ваши, может наши... Но скорее по очереди.

АННИ: Вы взорвали мой дом, а больше мне некуда идти. (указывает в глубь сцены) Дай я пойду туда.

САША: (протягивает ей пальто, сумочку) Во правильно геен, проваливай. А я здесь пока останусь. (указывает ей автоматом и головой за кулисы) Ну давай ауфидерзейн!

АННИ: (твёрдо) Мне надо в номер, понимаешь? (показывает в глубь сцены) В номер. (складывает ладони возле уха) Пусти меня. (пытается пройти) Я передумала.

САША: (стоит с её вещами в руке, автоматом преградив дорогу) Вот дома и поспишь. (толкает её автоматом, АННИ всё время смотрит в глубь сцены) Ну что тут непонятного. Топай отсюда! (АННИ упирается, САША её толкает) К мутер своей давай!

АННИ: (пронзительно смотрит на САШУ) Пусти меня пожалуйста, дай пройти!

САША: (не пускает её, толкает к выходу) Да что же это такое, в конце концов. (нарочито грубо) Иди давай!

(Раздаётся детский плач)

АННИ: (порывисто) Да пусти же ты! (отталкивает и бежит в глубь неосвещённой сцены)

САША: (растерянно стоит) Чёрт... (поворачивается, смотрит ей вслед) Твою мать, а?! (берёт бутылку, садится на диван. Автомат на коленях) Ох-ох. (делает несколько глотков, откидывается на спинку дивана. Слышен взрыв. Плач не прекращается) А если бы я её кончил? (смотрит в глубь сцены). (плач постепенно стихает)

(На сцену выходит ТАНЯ. Несёт в руках чулки, банку из набора для компресса, клубок и нитку. Садится за стол. Втягивает нитку. Растягивает чулок дыркой на банке. Начинает штопать...)

На сцену выходит пожилая женщина в шапочке, пальто. Останавливается у вешалки, смотрит на ТАНЮ.)

ТАНЯ: (продолжая штопать) Привет, мама.

МАМА: (игриво, очень мило) А как ты узнала, что это я?

ТАНЯ: (улыбаясь смотрит на неё как на ребёнка) Мама, а кто ещё к нам может придти?

МАМА: (раздевается) Ну мало ли кто. (вешает шапочку) Я вот шла кстати и идёт этот впереди майор, тыловик, (вешает пальто) что с грыжей у вас в госпитале лежал.

ТАНЯ: (продолжает штопать) Мама, грыжа может быть и у тебя, и у меня, и у любого на фронте. Если он не на передовой, это не значит, что он плохой человек.

МАМА: (раздеваясь, смотрит на ТАНЮ) Не Танюша, я ж не против, грыжа так грыжа. Как его, Алексей по-моему. (садится за стол, смотрит в чашку, достаёт кусочек сахара из коробки, начинает грызть. Одета в тёплое платье. Ласково) Танюша, что ты делаешь?

ТАНЯ: Mam, а ты не видишь?

МАМА: Я ж их уже выбросить собиралась, на них ни одного живого места нет.

ТАНЯ: Ну я тогда буду носить.

(пауза)

САША: Кормит... (поворачивается, смотрит за кулисы. Поднимает гимнастёрку, смотрит на рану. Отливает из бутылки, смотрит перед собой)

МАМА: знаешь, мне показалось, он сюда идёт.

ТАНЯ: Кто?

МАМА: Ну Алексей этот?

ТАНЯ: (смотрит на неё) А мне то что?

МАМА: (ласково) Да я просто так Танюша. (смотрит на неё, начинает всхлипывать)

ТАНЯ: Та-ак. Это что такое.

МАМА: Ничего, ничего. (вытирает глаза, улыбается) Хотела к Наташе зайти, а там нет никого.

ТАНЯ: (разглядывает как заштопала) На почте ещё: они как мы по суткам работают. (находит следующую дырку) Чаю возьми попей. (МАМА смотрит с любовью. ТАНЯ встречается с ней взглядом и грозно) Мама, пожалуйста.

МАМА: (улыбается) Слушай, совсем забыла. Хотела же ещё к Светке забежать. Там письмо от Николая Тимофеевича пришло.

ТАНЯ: Ну вот и сходи.

(Сидят, молчат)

ТАНЯ: Как на заводе?

МАМА: А что на заводе? Нормально.

(Молчат. ТАНЯ штопает)

МАМА: Да, пойду схожу, а то с тобой тоска одна. (встаёт, идёт к вешалке)

ТАНЯ: Чаю попей!

МАМА: Ай, Танюша, у Светланы попию, она звала меня на мёд. (оделась, смотрит на ТАНИЮ) Выкинь ты их.

ТАНЯ: Мама! Я сама разберусь!

МАМА: (улыбается, поворачивается уходить и в пол оборота) Двери всё таки закрой.

ТАНЯ: Господи Мама, да от кого? Фрицы, что ли по городу ходят?! (МАМА стоит, с любовью и тоской на неё смотрит) Всё иди на мёд.

(МАМА уходит, ТАНЯ продолжает штопать)

САША: (ставит бутылку на пол. Упирается прикладом автомата в пол) Тихо. (выходит АННИ. Идёт к своим вещам, которые САША положил на гостиничную стойку. Достает из сумочки папиросу и зажигалку, закуривает, кладёт зажигалку в сумочку. Собирается уходить)

САША: (всё это время внимательно на неё смотрит) Эй. (АННИ оборачивается) Не кури. (показывает как курят) Плохо тебе. Нельзя кормящим курить. (АННИ смотрит) Нихт. (машет пальцем) Выбрось!

АННИ: (улыбается) У меня всё равно молока нету.

САША: Да. (показывает рукой) Выбрось, у нас бы если б закурила, мамка так бы по заду надавала. (АННИ улыбается) Ага. (выставляет сжатые в кулаки руки, бьёт ногой) Вот так!

АННИ: (смеётся. Делает глубокую затяжку. Смотрит под стойку. Достает пепельницу, тушит сигарету) Тихо так.

САША: Что ты говоришь.

АННИ: (смотрит на САШУ) Ладно, прощён за кляп. (поворачивается уходить)

САША: Спит гитлерюгенд? Накормила?

АННИ: (резко поворачивается, пристально на него смотрит) Что ты сейчас сказал?

САША: (зажимает в коленях автомат. Качает воображаемого ребёнка) Я говорю, гитлерюгенда своего накормила, он и спит?! (указывает в глубь сцены)

АННИ: (быстро подходит к портрету, начинает зло ломать раму) Никогда мой ребёнок не возьмёт в руки оружие. Вы теперь победители. Когда закончится война, (рвёт портрет) можете загнать нас в гетто, в концлагерь, можете всех расстрелять. Но никогда, понимаешь, (смотрит на САШУ с кусками портрета в руках) никогда мой ребёнок не выстрелит ни в одно живое существо, ясно?! (САША округлив лицо, удивлённо на неё смотрит. АННИ спокойнее) Война

изменила меня. Она всё вокруг изменила. Я вообще скажу тебе, уеду отсюда. Мне помогут с другим паспортом. Если этот человек конечно жив. Я не очень на немку похожа. (бросает бумагу, трёт ладони) В Америку куда-нибудь, в Австралию, на край света...

САША: (одобряюще) А-а-а. Америка – наши союзники. Я понял тебя фрау. Вот смотри: (начинает на пальцах считать) Америка раз, Англия два, Франция три, Испания четыре (задумывается, разводит руками) и весь остальной мир. Вот так вот. С портретом понял (кивает головой, берётся за ствол автомата) нота протеста. Приятно.

(АННИ смотрит на него внимательно. улыбается)

САША: (улыбается в ответ, кивает головой) Ага. Капут, я?! (АННИ продолжает улыбаться) Ну, что ты так на меня смотришь? А фатер где? Мутер ты. (указывает на неё пальцем) А фатер? (сгибает руки в локтях, подносит сжатые в кулаки к груди, надул щёки, брови нахмурены)

АННИ: (печально, с улыбкой) Я не знаю где Мартин, он пропал пол года назад. Может ты его убил... Он даже не знает, что у нас ребёнок.

САША: Воюет наверно, (будто держит автомат) та-та-та?

АННИ: Да.

САША: Я... С нами Я?!

АННИ: Да, да. (молча смотрят друг на друга) как же мне поговорить с тобой?

САША: Тихо как, а? (указывает пальцем за кулисы)

АННИ: Нет он не придёт.

САША: Да-а... Я – Александр, (показывает на себя) Александр, Саша. А ты фрау?

АННИ: Анни.

САША: Аня по-нашему.

АННИ: Анни.

САША: Ну я понимаю! А по-нашему Аня.

АННИ: Саша.

САША: Так точно Анни... (молчат) Иди может к нему. Им без матери долго нельзя. Мы вон взрослые уже и то, а он же совсем ещё, да? (выставляет ладони на уровне плечей) Вот такой.

АННИ: (с улыбкой) не чуть больше, вот такой вот. (разводит свои руки чуть шире) Франц. (утвердительно ладонями) Франц.

САША: Понял. (кладёт руки на колени) Франц.

АННИ: Ему три месяца. А мне нечем его кормить.

САША: Не переживай, отвоюем вас у Гитлера, вырастет настоящий пролетарий. Немецкий пролетариат тоже хороший. У вас тоже ж революция была?

АННИ: (с досадой) Что ж тебе дался так этот Гитлер! (показывает на рваный портрет) Я же уже всё объяснила... (вздыхает) Нет, ничего не получится. (идёт в глубь сцены)

САША: Эй! (АННИ машет, не оглядываясь) Да подожди ты. Эй, Анни?

АННИ: (останавливается. устало) Ну что?

САША: Там кроме ребёнка никого больше нет? (встаёт с дивана. Вешает автомат на плечо)

АННИ: (пожимает плечами. Разводит руки) Я не понимаю, что ты говоришь.

САША: Там Франц (показывает палец) один, ты Анни – два, (два пальца показывает) я – три, (показывает три пальца) а ещё там есть кто-нибудь? Четыре, пять, шесть. (показывает пальцы) Фриц, Ганс, Фридрих...

АННИ: Ты спрашиваешь (указывает на себя) есть ли у меня ещё дети, что ли?

САША: Там (указывает в глубь сцены) солдаты есть, фрицы – та-та-та. (имитирует стрельбу выставив автомат)

АННИ: Нет. (отрицательно вертит головой, улыбается) Он там в безопасности. Я его далеко от окна положила. Ни один солдат, ни Фридрих, ни Ганс, ни Иван его не достанут.

САША: Найн говоришь. (АННИ улыбается. САША смотрит в глубь сцены, хмурится) Ты точно знаешь? (АННИ утвердительно кивает головой) Хотя если бы был кто-то, вышел бы уже давно... (молчат) Надо посмотреть, (указывает) сходить туда и проверить.

АННИ: (с надеждой) Хочешь на Франца посмотреть? (показывает рукой в глубь сцены)

САША: Да. (показывает на себя и на неё) Мы с тобой, Саша и Анни, сейчас туда ходим и проверим.

АННИ: (улыбается) Мне приятно, что ты хочешь посмотреть на моего ребёнка. Может всё таки получится. (громче) Спасибо.

САША: (кивает головой) Да, пошли.

(Уходят. АННИ впереди, САША за ней постоянно оглядываясь)

ТАНЯ: (прекращает штопать. вздыхает) Сашка, Сашка... Как же мы тогда не поняли друг друга. (собирает чулки, нитки и уходит)

(Некоторое время сцена пустая)

САША: (появляется с выставленным автоматом, осматривается, машет рукой АННИ. АННИ проходит, садится на диван. САША опирается на стойку) Красивый ребёнок. (трогает себя за лицо) Франц красивый!

АННИ: (сидит положив руки на ноги, улыбается, вертит головой) Я не понимаю, что ты говоришь.

САША: Не, Анни, ты не спорь, мне ж виднее со стороны. красивый.

АННИ: Ну хорошо. Пусть у тебя будет всё так как ты говоришь Саша...

САША: Вот видишь, гут.

АННИ: Хорошо, хорошо. (внимательно на него смотрит)

САША: Ага. (Вертит по сторонам головой. Понизив голос) Чёрт. Ну вот зачем ты здесь. Вроде баба неплохая. (смотрит на АННИ) Надо бы вам уходить отсюда! (демонстрирует) Анни с Францем уходят, понятно?

АННИ: (поднимается, улыбаясь подкатывает к дивану столик. Садится, берёт бутылку из которой пил САША, наливает в стаканы, смотрит на него) Саша, пожалуйста, иди сядь рядом со мной (хлопает ладонью по дивану)

САША: Та-ак. (чесет ухо; немного смущённо) Хочешь чтобы я с тобой выпил? (показывает пальцами бутылку, стучит по горлу)

АННИ: (с внимательной улыбкой) Саша, пожалуйста сядь рядом со мной.

САША: (касается пальцем носа) Ну ладно. (подходит. Садится зажав в коленях автомат) Цирк. (АННИ протягивает ему стакан) Ты же фрицевка. (берёт стакан)

АННИ: (чокается) Мне очень нужна твоя помощь Саша.

САША: И ты будь здорова АННИ. (выпивает залпом)

АННИ: (пригубив ставит на стол) Саша, (берёт его за руку) ты хороший. Хороший.

САША: (указывает на бутылку) Да, ничего напиток. Гут.

АННИ: (улыбается) Ты – Саша (касается его груди) хороший.

САША: Понравился я тебе, что ли?

АННИ: Саша, мне очень нужна твоя помощь. Как же объяснить тебе это?... Не знаю..

САША: АННИ (убирает его руки) Ты очень симпатичная фрау. Но пожалуйста не обижайся (кладёт руку на сердце) у меня невеста есть. Вот смотри (берёт с дивана гимнастёрку и тихо) лучше одену от греха.

АННИ: (приставляет ладонь к губам) Всё не так понял. Саша ты всё не так понял.

САША: (лезет в карман гимнастёрки, достаёт пачку папирос, кусок мела, перекладывает его в другой карман) Так, всякое бывает. (вынимает спички, фотокарточку) Вот смотри, АННИ, (показывает) это Таня, моя невеста, (обрисовывает руками в воздухе) ферштейн? (АННИ смотрит фотокарточку) Смотри сюда (касается её плеча) невеста. (крутит на безымянном пальце воображаемое кольцо)

АННИ: Я понимаю жена твоя. (протягивает фото) Красивая. Тоже смотрю военная.

САША: Таня. (смотрит на фотокарточку) В сорок втором сделана была, мне мать прислала её. Она медсестрой на поезде была... (вздыхает) Мы поссорились когда я на фронт уходил. Ни одного письма ей не послал... И она мне, понимаешь? Она подумала, что я испугался войны, не захотел идти на фронт. (улыбается, сунет фотокарточку в карман) А я просто очень с ней хотел быть. Знаешь, прикипел к бабьей юбке, не представлял как дня без неё проживу. (закуривает) Можно было там справки сделать, что непригодный, была такая возможность. Остался бы в

тылу, с ней. (смотрит на АННИ) А теперь вот видишь ничего. Четыре года и ни одного письма. Коньяк с тобой пью.

АННИ: Саша не кури. (показывает как гасят окурок)

САША: (улыбается) да, ладно, мне можно. Я ж не кормящая мама. А вот тебе нельзя... (молчат) Не хороший я. Нихт гут. О себе только думал. Она правильно обиделась. (стучит по карману) Вы бы пришли, расстреляли бы её и всё, а так я её защищаю, её и всех советских женщин, а так же детей. Ферштейн? (АННИ кивает головой) ничего тебе не ферштейн. Давай, ладно, выпьем ещё. (берёт бутылку, тянется чтобы ей налить)

АННИ: (закрывает ладонью стакан) Нет Саша. Не хочу.

САША: (льёт себе) дело в том АННИ, что вам с Францем надо уходить отсюда. (поднимает стакан) Я знамя принёс. (показывает под диван) Там лежит.

АННИ: (наклонившись смотрит под диван) Как с тобой договориться?

САША: Видишь, да? Мы его с Петрухой из платьев. (трогает её платье)

АННИ: Не понимаю. (вертит головой)

САША: Да я не про это совсем. Ай, ладно. (поднимает стакан) За победу, я?

АННИ: (чокается с ним. Выпивает всё, что есть в стакане. Встаёт, идёт к стойке, обходит её, наклоняется, достаёт патефон) Смотри, что я нашла?!

САША: не, не. Я в технике не очень. Я его не отремонтирую.

АННИ: (заводит. Звучит медленная песня на немецком языке) Потанцуем? (идёт к САШЕ)

САША: (испугано) Ты чего? (АННИ протягивает к нему руки) Не, не я не танцор. (зывает его) Да ты что?! Я дома не танцую, а тут ещё под немецкую песню?!

АННИ: Саша...

САША: Да, ну! (отворачивается)

АННИ: (в реверансе) Приглашаю вас на танец. Неужели вы откажете даме? (берёт его за руку)

САША: (нехотя подчиняется) Анни, Анни нихт танцор. Я тебе сейчас все ноги отдавлю.

АННИ: (кладёт Сашину руку себе на талию) Давай, победитель, неужели испугался: (танцуют)

САША: Ну вот видишь, я не умею совсем. (останавливается, показывает руками на ноги) Анни.

АННИ: Ничего научись. С женой будешь танцевать, может, расскажешь, кто тебя научил. (ведёт его)

САША: Ум-м. (останавливается) Бок болит. (показывает на рану)

АННИ: Прости, я не хотела Саша. (берёт его выше, двигаются медленнее) У меня в бомбёжке мама два дня назад погибла. (смотрит ему в плечо)

САША: Ты тоже об этом подумала. Я тоже. (мечтательно поднимает голову) Вот когда закончится война, мы с Таней тебя в Минск позовём, в гости. Возьмёшь Франца и приедешь. Я что? Вы уже тогда социализм построите.

АННИ: Я так отчаялась сразу... От Мартина никаких вестей, мама пропала. (кладёт ему голову на плечо). Дико как-то, да? Может ты убийца моего мужа, твои лётчики бомбят мой родной город, а я хочу что бы ты стал моим другом. (всхлипывает)

САША: Ну что ты. Перестань. Всё будет хорошо и у вас, и у нас. Будем жить! (тихонько отстраняет её, смотрит в глаза) Тебе сына надо поднимать. Ясно?! (прижимает её к себе. АННИ благодарно кладёт ему голову на грудь) У меня тоже сын будет. Двое. Одного как деда назову, а другого в честь товарища Жукова, он мне жизнь спас... А если будет дочка, назову Аней.

АННИ: (музыка закончилась, но они продолжают танцевать) Постоянная стрельба, бомбы, рушатся дома... Трупы вокруг, всё порохом пропахло, кровью. Я вчера сюда с Францем забежала. Растерялась как-то, не знаю где бомбоубежище... Смеси ещё хватало до сегодня, а потом... Ни мама, ни Мартина. Вокруг смерть, а я одна совсем. Хорошо, что ты меня не понимаешь.

САША: (гладит её по голове) Странно, да? Мне бы тебя пристрелить, чтобы фашистов не делала. А я к тебе привязанность какую-то чувствую... (танцуют)

АННИ: Всё думаю конец. Хотела сначала с Францем (голос меняется) под пули... Тут ты появился. Я совсем уже в отчаянии была. Кормить нечем. Жизни нет, ради чего думаю... (помолчав) брошу его, тебя пристрелю и сама. А потом когда связанная лежала, подумала (смотрит на САШУ) нельзя сдаваться. Надо бороться за каждый миг существования. Живой мой сынок, я жива и сделаю всё, чтобы он жил, а для этого ему нужна еда. Помоги мне, Саша.

САША: (толкает её тихонько к дивану) Анни присядь, я тебе что-то расскажу.

АННИ: (садится на диван) Я все полки пересмотрела. На кухне, в зале, везде. Ничего подходящего, вообще ничего, кроме вот этого. (показывает на бутылку)

САША: Не, пить больше не будем. (становится перед ней на колени, достаёт из-под дивана знамя. Разматывает его. Шест с сшитыми из кусков красным полотнищем) Видишь, это мы с Петрухой из платьев сшили. Я пойду его и повешу. У нас такой уговор был. Старшина в засаде, может уже сидят. (смотрит на часы) Я со знаменем сверху, на крыше буду им махать. Ты представляешь, какая тут резня начнётся?! Анни, (кладёт знамя на пол) тебе (гладит её по плечу) и Францу (указывает в глубь сцены) надо уходить, (поднимается, показывает как качают ребёнка и идёт за кулисы) понимаешь?

АННИ: (опускает голову) Я поняла. Мне надо уйти. (поднимает голову; мрачно) Но куда я пойду. Мы 10 метров с ним не пройдем, как ваши тут же нас пристрелят, понимаешь, Саша? (твёрдо) Я никуда не пойду. (отрицательно вертит головой) Во всяком случае пока не стемнеет.

САША: (с досадой) Чёрт, блядь... (зло на неё) Убьют тебя, понимаешь! Тебя (указывает на АННИ) и твоего сына! (имитирует стрельбу наставив на неё автомат)

АННИ: (отчаявшись с вызовом) Можешь меня застрелить если хочешь. (встаёт) Вот сюда. (касается груди) Тогда и Франца убей заодно. Я сейчас принесу его. (поворачивается, идёт в глубь неосвещённой сцены)

САША: (останавливает её) Подожди. (держит за плечи) Я не хочу тебе зла. Но это не место... Мы здесь максимум через час будем убивать друг друга. Это не место для ребёнка, Анни. (прижимает её к себе) Вам надо уходить. Я понимаю везде стреляют. Подумай, куда ты можешь пойти, где вы с Францем будете в безопасности.

АННИ: (поднимает голову, смотрит на САШУ. Слышны дальние выстрелы; берёт его за руку) Присядь, Саша, (садит на диван, становится перед ним) мне очень нужна твоя помощь.

САША: Ай, Анни, я не слова не понимаю из того, что ты говоришь.

АННИ: (решительно) У меня нет молока, и мне нечем кормить Франца – через каждые три часа. (задумывается приставив палец к губам)

САША: Анни! (твёрдо) Я не понимаю!

АННИ: Смотри, Саша! Это грудь. (трогает себя) Грудь понимаешь?

САША: (снисходительно улыбаясь) Ну... ты опять за своё?

АННИ: Грудь, так?! (САША кивает) Я ею кормлю ребёнка. (складывает руки так будто держит ребёнка) Кормлю. (имитирует кормление, чуть прогнув спину)

САША: А-а-а. Ну, понял. Тебе Франца уже надо кормить. Хорошо.

АННИ: (останавливает его прикоснувшись ладонью к губам) Подожди, послушай меня сначала. (громче) У меня (трогает себя за грудь) молока нет! (решительно выставляет две фиги) Понял? (САША как-то ошарашено на неё смотрит) Я не могу покормить. (показывает как кормят и складывает фигу) не могу! (разводит руки) Я его искусственно вскармливаю.

САША: (отворачивается, широко чешет голову) И что ты хочешь, чтобы я сделал?

АННИ: Ты понял, Саша?

САША: Да ферштейн, я ферштейн. Ох Анни если бы не ребёнок. (утвердительно) Гут, ферштейн Анни!

(АННИ идёт к сумочке, роется в ней)

САША: (решительно) Тебе тогда тем более нужно уходить. (с досадой) Ну как ты останешься здесь?!

(АННИ достаёт помаду, поднимает обрывок портрета. Становится перед САШЕЙ на колени)

САША: Э... ты что. (встаёт) Встань немедленно. Анни, ты что? (садит её на диван) На диван вот садись. (салятся)

АННИ: (кладёт САШЕ обрывок на колени, начинает рисовать) Саша, смотри внимательно. Это гостиница. Гостиница. Мы здесь. (обводит вокруг рукой) А вот здесь через дом магазин, понял? (что-то рисует)

САША: Да, да. И что ты хочешь?

АННИ: Вот это (указывает помадой) будет написано на пачке. (протягивает ему бумагу. Смотрит внимательно в глаза) Я хочу (указывает на себя) чтобы ты (касается его груди) сходил (имитирует двумя пальцами движение) и принёс мне из магазина вот это. (показывает в лист) Понял, Саша?

САША: М-м-м. (дёргает ногами)

АННИ: (гладит его по плечу, и ласково) Пожалуйста, Саша.

САША: Я думаю, не мешай. (убирает её руку)

(молчат)

САША: (смотрит на неё) Я принесу и ты сразу уйдёшь? (демонстрирует)

АННИ: Как только стемнеет. (закрывает ладонями глаза) Я тут же уйду!

САША: Я принесу. Ты покормишь. (всё это показывает) Ребёнок заснёт (закрывает себе глаза) и вы уйдёте, да?

АННИ: Да, Саша. Как только стемнеет.

САША: (отрицательно вертит головой) Сколько мне времени понадобится. (смотрит на АННИ) минут десять? (АННИ с признательной улыбкой на него смотрит) Это что мне его взламывать что ли? (АННИ улыбается) Иди вон к ребёнку. (указывает) Не ходи здесь. (берёт автомат, поворачивается и идёт за кулисы)

АННИ: (бежит к нему. Обняв, целует в щёку) Спасибо.

САША: Ай. (освобождается) Фашистов лучше не рожайте больше. (раздаются выстрелы) (САША быстро уходит. АННИ, немного постояв, закуривает и идёт в глубь сцены)

(пауза)

(ТАНЯ выходит на сцену, смотрит в чашку, допивает остатки чая. Забирает сахар и уходит)

АЛЕКСЕЙ: (из-за кулис) Эй, кто тут живой есть? (появляется на сцене высокий, крепкий мужчина 40 лет. В кожаном пальто, белом шарфике и шляпе. Лицо полное, тяжёлый взгляд. Руки большие. Снимает шляпу. Волосы коротко стрижены. Стоит у вешалки) Татьяна Станиславовна, вы дома? (оглядывается)

ТАНЯ: (выходит на сцену) Дома я дома. Здравствуйте Алексей Сергеевич.

АЛЕКСЕЙ: (улыбается. Развязывает пояс пальто) Сколько раз я вас просил Танюша, просто Алексей, можно вам Лёша. Не называйте меня по отчеству. А то я кажусь себе стариком каким-то. Или будто на работе постоянно нахожусь.

ТАНЯ: (стоит рядом, не смотрит на него) Извините, я забыла... Что это у вас? (смотрит как Алексей вынимает из карманов консервы, какой-то свёрток)

АЛЕКСЕЙ: А это пайковое. (протягивает ей) Тут тушенка американская, кстати вы не пробовали? Вкусная. Сало копчёное. (ТАНЯ стоит с продуктами в руках) Отнесите пожалуйста на стол.

ТАНЯ: (устало) Зачем вы это?

АЛЕКСЕЙ: (бодро) Несите, несите. (снимает пальто, отворачивается от ТАНИ, вешает его) Будем кутить. Вчера банду взяли, что склад продуктовый ограбила. (остаётся в форме без знаков отличия)

(ТАНЯ кладёт продукты на стол. АЛЕКСЕЙ снимает шарфик, приглаживает волосы)

ТАНЯ: (не смотрит на него) Пойду нож принесу. (идёт за кулисы)

АЛЕКСЕЙ: (останавливает её. Берёт за плечи. Пристально смотрит в лицо) Что с вами такое, Танюша?

ТАНЯ: (мягко освобождаясь) Ничего, просто устала немного. Вы располагайтесь. (указывает рукой на стол) А я пойду за ножом схожу. (уходит)

АЛЕКСЕЙ: (пригнувшись смотрит на себя в сервант. Достает расчёску, причёсывается) Представляете, Танюша, фронтовик у них за главаря был. Безрукий. Говорит на допросе: а чем

мне семью кормить? (дует на расчёску, кладёт в карман) А я ему, а тем же чем вся страна сволочь кормит. Ты же говоришь с войны, должен понимать... Что за люди?!

(ТАНЯ подходит к столу, наставляет нож на консервы)

АЛЕКСЕЙ: Дайте мне, не женское это занятие. (отняв нож, удерживает её за руку) Таня, Танечка...

ТАНЯ: (освобождается) Пойду чайник поставлю. (уходит с чайником)

АЛЕКСЕЙ: Да бог с ним с чаем! (смотрит ей вслед. Потом открывает ножом тушенку, раскрывает газету, решет сало) Знаете, что, Таня, я думаю. Когда закончится война, мы их быстро, эту шушеру всю, переловим и к году пятидесятому останутся одни честные люди. Такие как мы с вами. (выходит ТАНЯ, садится на стул) вы зря между прочим не закрываетесь. Мало ли что... (молчат. АЛЕКСЕЙ режет сало) (ТАНЯ поднимается, уходит)

АЛЕКСЕЙ: Вы куда?

ТАНЯ: Хлеба забыла принести. (уходит. АЛЕКСЕЙ, перестав резать, вынимает из кармана платок, вытирает руки. Подходит к вешалке, достаёт из кармана бутылку вина) Артиллеристы Сталин дал приказ. (ставит на стол. Подходит к серванту, достаёт рюмки, ставит на стол. Подумав, оглядывается, быстро несёт рюмки на место. Берёт бутылку и подбежав к вешалке, пьёт большими глотками. Отрыгивает. Торопливо ставит бутылку в карман)

ТАНЯ: (заметила как он пьёт. Опустив голову идёт к столу с разделочной доской, на которой лежат пару ломтиков хлеба) Садитесь...

АЛЕКСЕЙ: (торопливо) Ага, сейчас. (выдыхает поправив китель. Решительно идёт к столу) Это весь хлеб, что у вас остался.

ТАНЯ: Не беспокойтесь, мы с мамой много его не едим. Нам хватает.

АЛЕКСЕЙ: (кладёт руку на руку ТАНИ; проникновенно) Танюша, я сколько раз Вам говорил, у вас хлеба может быть сколько угодно. Уж чего, чего, а хлеба достать я ещё пока могу, тем более для вас.

ТАНЯ: (убирает руку) Садитесь.

АЛЕКСЕЙ: (садится, берёт хлеб, мажет тушенкой) Это Вам. (протягивает)

ТАНЯ: Нет, спасибо, я сыта.

АЛЕКСЕЙ: Таня, попробуйте, это на самом деле очень вкусно. Хлеб с тушенкой – первое дело!

ТАНЯ: Я знаю, но что-то не очень хочу. Спасибо.

АЛЕКСЕЙ: Что же то, я один есть буду! (держит хлеб в руку) Ну пожалуйста, ради меня.

ТАНЯ: (выдыхает. Также на него не глядя) Вы меня извините пожалуйста Алексей. Я что-то не очень себя чувствую.

АЛЕКСЕЙ: (кладёт хлеб) Совсем я Вам не в жилу, да? Татьяна Станиславовна? (ТАНЯ молчит, смотрит в стол) Чем же так не хорош?

ТАНЯ: (тихо) Алексей Сергеевич, Вы очень хороший человек, друг.

АЛЕКСЕЙ: Сейчас мне квартиру двухкомнатную дадут. Дурацкий оборот. я её заслужил. Я столько гадов, сволочи разной переловил, чтобы Вы с открытой дверью спокойно могли сидеть.

ТАНЯ: Конечно, я понимаю. Очень Вам благодарна.

АЛЕКСЕЙ: (возмущённо) Да не в этом же дело. Вот возьму я эту квартиру. Через месяц перееду, через пол года обставлю... Танюша, у меня к Вам самые серьёзные намерения. Я вообще человек серьёзный. За мной как за каменной стеной. За мной не пропадёшь. (глочет слюну решившись) И вот не хотите ли Вы в неё и в мою пустую холодную холостяцкую жизнь хозяйкой войти. Своими нежными женскими руками навести в ней порядок. Лаской, теплом. (берёт её за руку) После войны в Сочи поедем. Поедем?

ТАНЯ: (освободив руку, не глядя на него) Вы хороший Алексей Сергеевич...

АЛЕКСЕЙ: Лёша.

ТАНЯ: (с трудом) Лёша, но я Вам...

АЛЕКСЕЙ: Тебе...

ТАНЯ: Но я... одни раз уже сказала.

АЛЕКСЕЙ: (опрокидывается на спинку стула) Саша, да?

ТАНЯ: (спокойно; подняв глаза) Да, Саша.

АЛЕКСЕЙ: (с вызовом) А чем это он так... восьмилетка, из училища попёрли.

ТАНЯ: Он сам ушёл.

АЛЕКСЕЙ: Ай, (раздражённо) перестаньте Вы, сам. Я всё про него знаю. Сейчас с фронта вернётся, если дай бог ещё вернётся конечно. Что ты с ним делать будешь? В холупке этой жить? Отец на Колыме где-то сгнил! И этот по стопам папки пойдёт! В сорок втором чуть в штрафбат не загремел. Что я не знаю, что ли?! Если бы не Жуков лично за него заступился, сейчас бы неизвестно, где этот герой был!

ТАНЯ: если Вы так будете разговаривать, в таком тоне...

АЛЕКСЕЙ: В каком тоне, Таня?! В каком? Я тебе жизнь предлагаю, дурочка. (подходит к ней становится на колени)

ТАНЯ: Алексей Сергеевич, что Вы делаете?

АЛЕКСЕЙ: (лезет целоваться) Дурёха моя...

ТАНЯ: (отстраняясь) Встаньте, пожалуйста!

АЛЕКСЕЙ: Ну на кой он тебе! Танюша. (наваливается на неё)

ТАНЯ: Вы ничего не понимаете и не знаете, пустите!

АЛЕКСЕЙ: Танечка, Танюшка моя. Рыбка моя, ну что ты как маленькая.

ТАНЯ: Отстаньте! (пытается освободиться)

АЛЕКСЕЙ: Эм-м. (под их весом, стул наклоняется)

ТАНЯ: Отстаньте же. (встаёт, АЛЕКСЕЙ валит её на пол) да пустите же. (уворачивается от поцелуев) Боже... мне противно!

АЛЕКСЕЙ: (целует её в шею, щёки, ловит губы) Танечка, золотце моё. (лезет под юбку) Рыбка моя, счастье моё. Дай мне, ну что тебе, не ломайся!

ТАНЯ: Пусти. (вертит головой, сжимает ноги)

АЛЕКСЕЙ: Давала же ты в поезде там всяким.

ТАНЯ: (отчаявшись прижимает его к себе, обхватывает ногами и громко иступлено) Саша, родной мой Сашенька. Милый любименький. Ну иди ко мне!

(АЛЕКСЕЙ удивлённый, холодно, брезгливо освобождается от её объятий)

ТАНЯ: Ну что же ты?

МАМА: (входит на сцену и с глупой улыбкой) А что это у вас тут? (стаскивает платок)

(ТАНЯ отпускает АЛЕКСЕЯ и безвольно лежит отвернувшись к столу)

АЛЕКСЕЙ: (поднимается, поправляется. Ни на кого не глядя хватает с вешалки вещи и толкает маму) Вы ещё пожалеете. Приятного аппетита. (уходит)

(ТАНЯ тихо плачет)

МАМА: (садится рядом с ней) Девочка моя. Ну ничего всё уже. (проводит по волосам, целует в лоб) Всё, всё уже прошло. Он ушёл.

ТАНЯ: (сквозь плачь) Ай, мама, не говори ты ерунды всякой.

МАМА: (поднимает её) Пойдём на кроватку ляжем, не лежи на полу. Ты же знаешь какие у тебя почки плохие после ранения. Пойдём, пойдём. (уводит её со сцены) Тебе себя беречь надо.

(пауза)

МАМА: (подходит к вешалке, раздевается) Боже, Господи Иисус Христос, если ты есть ещё в этой стране, пожалуйста сделай так, чтобы моя дочь была счастлива. (подходит к столу, собирает продукты на разделочную доску)

(слышен плачь)

АННИ: (выходит на сцену, качает укутанного в одеяло ребёнка) Успокойся, успокойся, мальчик мой. (целует, ходит с ним по сцене) Родной мой сынок. Сейчас дядя Саша тебе принесёт покушать. (качает) А-а-а, а-а-а... (МАМА собрав продукты уходит со сцены. Ребёнок успокаивается) А-а-а, а-а-а... Будешь кушать, расти, станешь таким как твой папа Мартин. Он научит тебя ездить на машине. Будешь шофёром, вместе будете ездить. А-а-а, а-а-а. (ребёнок всхлипывает, АННИ напевно) Сейчас дядя Саша принесёт покушать маленькому Францу, чтобы Франц скорее рос! А у кого такие глазки, совсем как у папы... Папа с фронта придёт, будет Франца на плечах катать! (раздаются шаги) Вот и дядя Саша...

(На сцену вваливаются советские солдаты и старшина. Петруха: невысокий, юркий, лет 30. Иваныч: долговязый парень, лет 20. Дед Коля: небритый, коренастый мужчина лет 60. Старшина:

средних лет, чёрные усы, карий колючий взгляд. Они не ожидали увидеть АННИ, как и она их. Стоят смотрят друг на друга)

ПЕТРУХА: О, а где Сашок?

ИВАНЫЧ: (выходит чуть вперёд) Здравсте. (кланяется)

АННИ: (растерянно, с испуганной улыбкой прижимает ребёнка) Здравствуйте, господа солдаты. (кланяется в ответ) А вы Сашины друзья?

ПЕТРУХА: (ехидно) Культурная.

ДЕД КОЛЯ: (хриплый голос) Иваныч, ну ка, пошпрехай.

ИВАНЫЧ: (обиженно) Ну почему Иваныч. Меня Виктор зовут.

ДЕД КОЛЯ: А что ты по батьке на Иваныч?

ПЕТРУХА: Пошпрехай, тебе говорят.

(АННИ с виновато-заискивающей улыбкой смотрит на них, качает ребёнка)

ИВАНЫЧ: (возмущённо) Да не умею я! Товарищ старшина?!

ДЕД КОЛЯ: Чему тебя только в училищах учили?

ИВАНЫЧ: Да не успел я. У нас ещё только в следующем году должен был иностранный начаться.

ДЕД КОЛЯ: Эх ты, решил чем учить иностранный, лучше на фронт сбегу, да?

ПЕТРУХА: Смотри салага и учись. (подходит к АННИ)

ДЕД КОЛЯ: Это ты Иваныч зря. Сейчас бы с дамой побалакали.

ПЕТРУХА: (стоит возле АННИ и сложив в щепотку пальцы со вкусом произносит)

Натюрлих.

АННИ: Очень мило. (опускает глаза) У Вас хорошее произношение.

ПЕТРУХА: (глядя на ИВАНЫЧА) Понял, класс?

СТАРШИНА: (отводит от АННИ глаза) Кончай трёп! Осмотрите всё здесь.

АННИ: (подходит в плотную к СТАРШИНЕ и заискивающе) Господин офицер, судя по всему Вы здесь главный. Я должна Вам кое-что объяснить. (СТАРШИНА холодно смотрит на АННИ) Я попросила Сашу об одном одолжении, вы его пожалуйста не ругайте, он должен с минуты на минуту придти.

СТАРШИНА: (равнодушно отвернувшись) Ты (указывает на ИВАНЫЧА) и Петруха пройдёте тут. А дед Коля со мной.

ПЕТРУХА: Пошли, может каких тараканов раздавим. (уходит, толкнув АННИ. За ним ИВАНЫЧ)

(АННИ стоит растерянно, прижимает ребёнка. Заглядывает им в лица и если ловит взгляды – улыбается)

СТАРШИНА: (не обращая на АННИ внимания, поворачивается к ДЕДУ КОЛЕ) Что думаешь, дед Коля?

ДЕД КОЛЯ: (щурится) Я так скажу старшина. Вроде квартал чист, но это вроде. А Сашка не подведёт, если его только не...

СТАРШИНА: (раздражённо) Кончай ты. С его характером, как заноза в... Знаешь где. (ДЕД КОЛЯ опускает голову) Вот так вот. Мало было одной дурацкой затеи. Что его просто так что ли до рядового тогда?

ДЕД КОЛЯ: Я только знаю, что солдат он добры. Побольше б таких и фашиста в Минске бы не было, и в Ленинграде с голоду бы бабы не пухли... (раздаются выстрелы, АННИ тревожно вслушивается)

СТАРШИНА: А ты говоришь чист! Ай, ладно. (смотрит на АННИ) А что с ней делать будем?

ДЕД КОЛЯ: А хай идёт себе. Баба не солдат, тем более с дитём.

АННИ: (понимает, что говорят про неё, улыбается) Господа солдаты, сейчас придёт ваш товарищ Саша и всё вам объяснит. (провожает взглядом идущего к дивану СТАРШИНУ. Ребёнок начинает плакать) Ну, ну, ну что ты маленький мой, хороший мой.

СТАРШИНА: Воя только этого не хватало. (сидит на диване, расстёгивает верхнюю пуговицу гимнастёрки) А если она сюда фрицев приведёт, что тогда? (к АННИ зло) Да заткни ты его, а то сейчас!

АННИ: (съёжившись, прижимая ребёнка) Ну, ну сыночек, любимый мой. Успокойся не раздражай господина офицера. Сейчас дядя Саша придёт.

ДЕД КОЛЯ: Да хай идут.

СТАРШИНА: Тактически всё безграмотно. Мы здесь как в ловушке, благодаря его милости. (смотрит на АННИ и плачущего ребёнка) Слушай, убери её!

ДЕД КОЛЯ: Как?

СТАРШИНА: Как хочешь! Выгони!

АННИ: (испугано смотрит на них) Тихо. Тихо мой хороший.

ДЕД КОЛЯ: (откашлявшись) Барышня, удалитесь.

СТАРШИНА: (поднимает бутылку, язвительно) Отлично. Я его под трибунал. (видит знамя) За кощунство над советскими святынями.

АННИ: (улыбается) Я не понимаю по-русски.

ДЕД КОЛЯ: Ну (указывает за кулисы) иди отсюда. (АННИ стоит. Ребёнок плачет) Давай, (толкает винтовкой) не жги меня. Уходи. (АННИ пятится. ДЕД КОЛЯ толкает)

АННИ: (понимает, что не останется здесь. Отчаявшись, мрачно как приговор) Это мой город, моя земля, понятно?! Почему я должна рожать детей, которых вы мужчины убьёте потом? Почему? Зачем вы воюете, ради чего вы стреляете друг в друга?

ДЕД КОЛЯ: (удивлённый останавливается) О разошлась! Не брешь, иди лучше милая домой!

АННИ: (тихо) Ненавижу вас всех. Русских, немцев, англичан, французов. Будьте вы прокляты за то, что придумали и подняли оружие. Слышите, мужчины?! (смотрит на СТАРШИНУ) Я обычная. Простая женщина, которая хотела любить мужа, ребёнка, семью. Которая хотела засыпать и просыпаться спокойно, в мире, в радости, в счастье и не терять сознание от ужаса и отчаяния! Я проклиная вас за вашу подлость, за то, что вы в ответ на нашу любовь отвечаете убийством, уничтожая нас и наших детей. Уничтожаете нашу любовь. Всё зло в мире от ваших жестоких кровавых забав. Вы это когда-нибудь поймёте, только будет поздно. (срывает с шеи нательный крестик, бросает его под ноги ДЕДА КОЛИ. Развернувшись, прижимая плачущего ребёнка, уходит за кулисы)

(Некоторое время смотрят ей вслед)

ДЕД КОЛЯ: О, обложила!

СТАРШИНА: Язык у них конечно мерзкий.

ДЕД КОЛЯ: (подходит, садится рядом) Знаешь, что старшина... Вспомни Брестскую крепость.

СТАРШИНА: Ну...

ДЕД КОЛЯ: Нет, ты вспомни?!

СТАРШИНА: Ну что ты хочешь сказать?!

ДЕД КОЛЯ: Сколько хлопцы там выдюжили?

СТАРШИНА: Не помню точно, долго.

ДЕД КОЛЯ: Правильно, долго. И мы здесь можем как в норе, покуда патронов будет хватать. А ты говоришь тактика! Учится тебе надо после войны пойти. Хороший будешь полководец.

СТАРШИНА: Ага, Суворов.

ДЕД КОЛЯ: Ну, а чем плохо?

СТАРШИНА: Так не с кем уже будет воевать, думаешь мир не понял как это? Помнишь мои слова, дед Коля, больше никогда войны не будет.

ДЕД КОЛЯ: Все войны от жадности человеческой. Пока жадность на земле царствует. Как говорила одна бабка у нас в селе, (сурово) век жадности. Так что придётся ещё, повылазят.

СТАРШИНА: Пессимист ты.

САША: (из-за кулис) Анни, иду! (забегает на сцену) Еле нашёл. О! (удивлённо смотрит на СТАРШИНУ и ДЕДА КОЛЮ) А где Анни? (из карманов торчат пачки с детской смесью, по пачке держит в руках)

ДЕД КОЛЯ: Какая Аня Санёк?

СТАРШИНА: Рядовой Лесников вы почему вверенный объект бросили?

САША: (не обращая внимания на СТАРШИНУ) Да не Аня, а Анни. Немка, ей ребёнка нечем кормить!

СТАРШИНА: (пытается встать с дивана) Да я...

ДЕД КОЛЯ: (удерживает его положив на колено ладонь) А она Санёк ушла.

САША: Давно?

ДЕД КОЛЯ: Ну мы пришли и она ушла.

(Раздаётся короткая автоматная очередь, затем плачь ребёнка)

САША: (услышав) Зачем вы? (роняет коробки) Она же не виновата ни в чём. (ещё очередь и плачь обрывается)

(САША разворачивается и бежит за кулисы)

СТАРШИНА: (вскочив с дивана) Лесников, я приказываю вернись! Рядовой Лесников! (расхаживает по сцене) Да я его под трибунал, в штрафбат...

ДЕД КОЛЯ: Не кипятись старшина.

СТАРШИНА: (зверей) Да как ты со старшим по званию разговариваешь?! Рядовой встать. (ДЕД КОЛЯ встаёт) Смирно!

(на сцену выходят ИВАНЫЧ и ПЕТРУХА)

ИВАНЫЧ: Товарищ старшина немец не обнаружен.

ПЕТРУХА: А что это у вас тут произошло? Санёк что ли кричал?

(На сцену медленно выходит САША, несёт на руках убитую АННИ. Ни на кого не глядя опускает её на диван. Солдаты уступают ему дорогу, молчат. Звучит композиция гр. Delirious? "Jesus Blood")

СТАРШИНА: Что ты себе позволяешь? (перегораживает ему дорогу)

САША: Отвали. (толкает его плечом. Уходит и тут же возвращается с ребёнком, кладёт его рядом с АННИ. Разматывает знамя, становится на колени и мелом пишет большими буквами: «АННИ»)

СТАРШИНА: Лесников, где твоя пилотка? Ты что себе позволяешь? Ты под трибунал захотел? Это знамя, это гордость.

САША: (перебив) Это просто женское красное платье.

СТАРШИНА: Да я тебя сейчас. (кидается к нему расстёгивая кобуру. Солдаты плечами сдерживают его, преградив дорогу. САША дописав, поднимает знамя и уходит в глубь неосвещённой сцены... На всей сцене гаснет свет. И только освещается развевающееся знамя где-то на возвышении. Песня отыгрывает до конца)

(пауза) (над сценой вспыхивает свет. В левой части сидит за столом САША. Ему несколько неловко. Он теребит пилотку)

МАМА: (выходит на сцену несёт чайник) Сейчас Сашенька, чайку попьём. (ставит чайник на стол) Уложили всё таки, победа.

САША: (улыбается) Победа.

МАМА: Ты сразу с поезда?

САША: (опустив глаза) Заходил на почту.

МАМА: Наташа только вечером освободится?

САША: Утром.

МАМА: Завтра да?

САША: Да... Да вы не суетитесь так.

МАМА: А может водочки выпьем? Давай (идёт к серванту)

ТАНЯ: (выходит на сцену. В пальто. Увидев САШУ, задохнувшись тихо) Саша...

(САША встаёт. ТАНЯ бежит к нему обниматься)

ТАНЯ: Никуда тебя больше не отпущу.

САША: Я тоже. (берёт её лицо в ладони, долго любяще смотрит)

ТАНЯ: Постарела, да?

САША: Нет.

ТАНЯ: Живой.

САША: Как видишь... Ждала?

ТАНЯ: Сашка. (прижимается к нему)

(на сцену выходит АЛЕКСЕЙ и двое сотрудников. В пальто с поднятыми воротничками в шляпах на глазах и перчатках)

АЛЕКСЕЙ: Не двигаться. (наставляет на САШУ пистолет) Обыскать здесь всё! (к ТАНЕ) Вы так и не научились двери закрывать. (сотрудники отталкивают от серванта ошарашенную МАМУ, выбрасывают из него всё на пол, стеклянные предметы бьются)

МАМА: Господи, Господи. (прижимает ладонь к губам)

ТАНЯ: (истощено) Нет! (бежит к АЛЕКСЕЮ, падает перед ним на колени) Алексей Сергеевич, прошу Вас, умоляю пожалуйста. (АЛЕКСЕЙ не обращает внимания, смотрит на САШУ)

САША: (с достоинством) Крыса ты кого кандалить пришёл?

ТАНЯ: (рыдая, истерично) Не слушайте его Алексей Сергеевич, не слушайте, что он говорит! Он сам не знает что! (целует ему ноги) Прошу Вас, не забирайте его у меня пожалуйста, умоляю вас!

(Сотрудники подходят к САШЕ. САША пытается бежать. Они, ударив его в живот, заламывают руки)

АЛЕКСЕЙ: (смотрит на ТАНИЮ, брезгливо убирает ноги) Гражданка, мы разберёмся. Не мешайте!

САША: (смотрит на ТАНИЮ) Тань, тут ошибка, меня через час отпустят. Я ничего не сделал. Ты веришь мне?

АЛЕКСЕЙ: Там разберёмся. Увидите его.

(МАМА беззвучно плачет сидя на стуле)

ТАНЯ: (хватает АЛЕКСЕЮ за ноги, сквозь слёзы) Алексей Сергеевич, Алексей, Лёша я что захочешь.

АЛЕКСЕЙ: (раздражённо отталкивает его ногами) Гражданка отстаньте от меня. Мы во всём обязательно разберёмся. Разберёмся...

САША: Ты блядь продажная. Ты как себя с моей женой ведёшь. (пытается вырваться. Сотрудники бьют его в живот) Ум-м. (САША опускает голову, стонет)

АЛЕКСЕЙ: (сотрудникам) Увидите его!

(ТАНЯ плачет, согнувшись, касается головою сцены)

САША: (глядит на неё; оборачивается) Тань, я вернусь, слышишь?

АЛЕКСЕЙ: (холодно) Не думайте, Татьяна Станиславовна, что это месть, я так сказать выше этого. У меня работа такая, всякую сволочь ловить.

ТАНЯ: (в той же позе) ненавижу, ненавижу вас всех! Будьте вы прокляты!

АЛЕКСЕЙ: Фу... Как не культурно. (kozyряет) Счастливо оставаться! (развернувшись, щёлкает каблуками. уходит)

(над сценой гаснет свет. Опускается экран. Звучит песня Г.Сукачёва «Но всё это будет». Раздаётся стук колёс, мчащегося по рельсам состава. Над сидящим на сцене САШЕЙ вспыхивает свет. Он смотрит в зал. В телогрейке, в спецовочных штанах, кирзовых сапогах. На телогрейке нашит номер. На экране чередуются хроникальные кадры послевоенного времени. Какие-то строки, счастливые лица, цветы. Действие продолжается пока звучит песня)